

A close-up, cinematic shot of a soldier in full combat gear. The soldier's face is marked with blood, particularly around the eyes and nose. He is wearing a helmet with a night vision device and has a determined, weary expression. He is holding a rifle, and his hands are visible, showing signs of combat. The background is a blurred, mountainous landscape, suggesting a battlefield environment.

Капитан М.

Выбор хирурга

Капитан М. Выбор хирурга

<https://litres.ru/74302533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший военный хирург Элиас Вэнс попадает в плен к мятежникам. Условие простое: спасти раненого командира — его злейшего врага — или умереть. Элиас выбирает жизнь и превращает скальпель в оружие, а медицинские знания — в тактику. В горах Кавказа начинается смертельная игра, где единственная ставка — выжить, а главный противник прячется не только среди врагов, но и внутри себя. Напряженный боевик о долге, мести и цене человечности.

Содержание

Глава 1. Тишина после стрельбы	4
Глава 2. Убить Гиппократ	23
Глава 3. Цена одного вдоха	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Капитан М. Выбор хирурга

Глава 1. Тишина после стрельбы

Тишина в горах никогда не бывает полной. Она состоит из множества едва уловимых звуков: шепота ветра, трущегося о шершавые камни, далекого гула горной реки, дробного цокота сорвавшегося куда-то в пропасть камешка. Но та тишина, что повисла над разбитым блокпостом на высоте две тысячи триста метров, была иной. Она была рукотворной, тяжелой, словно могильная плита. Она наступила после того, как стих последний выстрел, после того, как последний крик раненого перешел в предсмертный хрип, и установилась на пепелище, пропитанном запахом сгоревшего пороха и свежей крови.

Элиас Вэнс знал эту тишину. Он слышал ее десятки раз в горячих точках, разбросанных по всему миру, куда его забрасывала служба. Это была тишина поражения. Она была плотной, вязкой, как болотная жижа, и давила на барабанные перепонки сильнее, чем грохот артиллерийской канонады. Он лежал, придавленный телом убитого солдата, и пытался дышать ровно, хотя легкие жгло огнем, а во рту стоял мерзкий железистый привкус. Чья это была кровь — его

или мертвеца, что служил ему сейчас ненадежным укрытием, — он не знал. Да это и не имело значения. Значение имело лишь то, чтобы не шевелиться. Чтобы стать частью этого месива из камня, земли и растерзанной плоти. Чтобы раствориться в тишине.

Где-то рядом, в сером предрассветном мареве, перекликались гортанные голоса. Говор был резким, отрывистым, слова скакали по камням, как горные козлы. Мятежники. Они прочесывали местность, добывая раненых. Короткие, сухие выстрелы звучали как приговоры, как точки в конце предложений, написанных кровью. Выстрел. Еще один. И снова тишина, которая теперь казалась еще глубже.

Элиас заставил себя мыслить ясно. Это было самое трудное — отогнать пелену шока и боли, заставить мозг, отравленный усталостью и ужасом, работать как отлаженный механизм. Он — хирург. Он привык принимать решения, когда время сжимается в точку, а на кону — человеческая жизнь. Сейчас на кону была его собственная. Он попытался оценить обстановку. Блокпост, который они должны были удерживать до подхода основных сил, был уничтожен. Внезапность нападения, многократное численное превосходство противника, грамотно расставленные огневые точки — все это превратило оборону в бойню за пятнадцать минут. Пятнадцать минут ада, за которые его отряд перестал существовать. Кто-то из ребят, возможно, еще жив, но их участь была предрешена. Пленных мятежники не брали. За исключением, быть

может, одного.

Он снова услышал шаги. На этот раз ближе. Камни скрежетали под тяжелыми ботинками. Голоса звучали все отчетливее. Элиас инстинктивно задержал дыхание, хотя легкие протестующе взвыли. Он чувствовал, как холод от мертвого тела проникает сквозь его одежду, смешиваясь с его собственным холодом. Ему казалось, что стук его сердца слышен на весь Кавказский хребет. Глупое, иррациональное чувство. Но избавиться от него было невозможно.

Один из боевиков остановился буквально в двух шагах от него. Элиас видел только его ноги — высокие армейские ботинки, забрызганные грязью и чем-то бурым. С носка ботинка свисал клоч чьей-то формы. Мятеежник что-то сказал, его товарищ ответил коротким смешком. Дуло автомата уперлось в спину мертвого солдата, под которым лежал Элиас. Он приготовился. Сейчас ствол сдвинет труп, и его увидят. Мышцы напряглись, в голове пронеслась единственная, лихорадочная мысль: «Только бы быстро. Только бы в голову». Он не молился. Он забыл, как это делается, еще в детстве. Но сейчас это было больше всего похоже на молитву.

Выстрел. Пуля с влажным чавканьем вошла в тело мертвеца. Элиас почувствовал удар, но боли не было. Это контрольный. Они стреляют в каждого. Боевики, удовлетворенные осмотром, двинулись дальше. Их шаги затихли где-то слева, у разрушенной огневой точки пулеметчика.

Только когда тишина снова сгустилась до звона в ушах,

Элиас позволил себе медленный, бесшумный выдох. Грудную клетку сдавило так, будто на ней лежала не одна туша, а целая скала. Нужно было уходить. Промедление смерти подобно — эту истину он впитал с кровью своих первых пациентов, еще там, на пыльных дорогах Афганистана. Но уходить можно было только в одном направлении — вверх, в скалы, туда, где не было троп, где даже горные козлы чувствовали себя неуютно. Это был почти верный способ разбиться. Но оставаться здесь означало гарантированно получить пулю. А он еще не все сделал в этой жизни.

Он начал действовать, подчиняясь не разуму, а инстинкту самосохранения, отточенному годами. Медленно, миллиметр за миллиметром, он выползал из-под остывающего тела. Правая рука онемела, в левом боку при каждом движении вспыхивала острая боль — возможно, треснуло ребро. Но кости, кажется, были целы. Это главное. Добравшись до ближайшего нагромождения камней, он на секунду замер, сливаясь с местностью. Утренний туман был его союзником, скрадывая силуэты и звуки.

Теперь нужно было сориентироваться. Где он потерял свою медицинскую сумку? Память услужливо подбросила картинку: начало боя, он оттаскивает раненого сержанта в укрытие за БТРом, разрыв гранаты, его швыряет на землю, сумка срывается с плеча и летит в сторону. Бесполезно. Ее либо разорвало, либо она уже в руках у боевиков. С ним был только «Стечкин» с двумя пустыми магазинами — он даже

не успел перезарядить, когда их накрыли, — да складной нож в нагрудном кармане. Жалкий арсенал против нескольких десятков вооруженных до зубов головорезов.

И скальпель.

Элиас машинально коснулся нагрудного кармана, где во внутреннем, специально прошитом отделении, хранился его главный инструмент. Рукоятка из нержавеющей стали приятно холодила пальцы даже сквозь ткань. Это был не просто скальпель. Это было продолжение его руки, его alter ego, его талисман. Хирург без скальпеля — все равно что солдат без оружия. Он всюду таскал его с собой, не доверяя казенным наборам. Лезвие из дамасской стали, идеально сбалансированная рукоять — за эту вещь он отдал бы что угодно. И сейчас она была его единственной надеждой.

Он двинулся на северо-восток, туда, где скальная гряда поднималась почти вертикально, образуя естественную стену. Там, по его расчетам, должна быть расщелина, которую он заметил еще вчера, когда они только выдвигались на этот проклятый пост. Каждый шаг давался с трудом. Боль в боку не утихала, дышать становилось все тяжелее. Кислорода на такой высоте не хватало, легкие работали вхолостую, высасывая из разреженного воздуха жалкие крохи. Голова кружилась. Он запретил себе думать о боли. Он просто переставлял ноги, цепляясь за камни, используя любую неровность рельефа как укрытие.

Когда до спасительной расщелины оставалось не больше

полусотни метров, он услышал их снова. На этот раз голоса звучали взволнованно, даже тревожно. Они доносились не со стороны блокпоста, а откуда-то снизу, с тропы, ведущей в ущелье. Элиас инстинктивно припал к земле за большим валуном, покрытым мхом и лишайником. Сердце колотилось где-то в горле. Неужели заметили? Нет, они шли не к нему. Несколько боевиков, согнувшись под тяжестью импровизированных носилок, быстро поднимались по каменистой тропе на плато, где еще дымились остатки блокпоста. На носилках, укрытый по грудь плащ-палаткой, лежал человек. Он был без сознания или мертв. Элиас видел только его восковое лицо и черную, свалывшуюся от крови бороду.

Но не это заставило хирурга замереть. Вся группа, человек десять, двигалась не хаотично, как обычные бандиты, а с четкой, слаженной дисциплиной, присущей хорошо обученному спецподразделению. Они не просто несли раненого, они охраняли его, выставив круговую оборону даже на марше. Их командир, шедший чуть впереди, отдавал короткие приказы, которые подхватывались и передавались по цепочке. В его жестах, в том, как он оценивал обстановку, чувствовалась школа. Такая же школа, какую прошел и сам Элиас.

И тут командир обернулся, выкрикивая очередной приказ, и Элиас увидел его лицо. Мир покачнулся. Звуки пропали. Осталась только звенящая, абсолютная, космическая тишина, заполнившая собой все пространство от кавказских пиков до самых глубин его сознания. Он узнал этот тяжелый

подбородок, этот хищный разлет бровей, этот шрам, рассекающий левую щеку от виска до угла рта. Шрам, похожий на застёжку-молнию.

Руслан Ахмадович Гериханов. Полевой командир, которого в сводках называли просто Генерал.

Тот самый человек, который два года назад в засаде у Чертова Моста вырезал его отряд. Его друзей. Его братьев. Тот, кто лично, с улыбкой на лице, перерезал горло санинструктору Лене, единственной женщине в их группе, которая до последнего вытаскивала раненых под шквальным огнем. Элиас видел это своими глазами. Он лежал тогда в кювете, контуженный, с простреленным плечом, и смотрел, как Генерал аккуратно, почти ласково, проводит ножом по ее горлу, а потом вытирает лезвие о ее светлые волосы.

С тех пор лицо Гериханова снилось ему почти каждую ночь. Оно стало его личным демоном, его наваждением. Оно приводило его в ярость и в отчаяние. Элиас поклялся, что убьет его. Он потратил на это два года. Он изучил все сводки, все маршруты, все связи Генерала. Он добровольно перешел в этот сектор, на эту войну, с единственной целью — добраться до своего врага. И вот он, враг, здесь, в каких-то пятидесяти метрах. Сильный, живой, отдающий приказы.

А на носилках, как понял Элиас, присмотревшись к охране и суете, лежал кто-то, кто был Генералу очень, очень дорог. Возможно, брат. Возможно, сын. У Гериханова, по оперативным данным, был младший сын, Магомед, который

только начал свою «карьеру» в подполье.

Элиас заставил себя отвести взгляд. Смотреть на Генерала сейчас было непозволительной роскошью, которая могла стоить жизни. Он как замороженный следил за лицом на носилках. Он видел только профиль, но и этого было достаточно. Молодой парень, почти юноша, с тонкими чертами лица, сейчас искаженным страданием. Дыхание у него было поверхностным, с характерным влажным клокотанием. Элиас безошибочно, на каком-то животном, профессиональном чутье, диагностировал состояние. Ранение грудной клетки. Скорее всего, осколочное, с повреждением легкого. Возможно, задета плевра. Возможно, развивается пневмоторакс или гемоторакс. На такой высоте, без немедленной квалифицированной помощи, парень протянет от силы пару часов. Гериханов это понимал. Его группа прорывалась к блокпосту не ради победы. Им нужен был врач. Им нужен был хирург. Потому что своего они доставить сюда не успевали.

Их взгляды встретились. Это произошло случайно. Один из боевиков, осматривавших западный периметр, заметил его за валуном. Гортанный крик вспорол тишину. Несколько автоматных очередей ударили по камням, выбивая каменную крошку, которая секла лицо, словно осколки стекла. Элиас рванулся в сторону, к спасительной расщелине, но было поздно. Путь к отступлению был отрезан. Его взяли в кольцо быстро, профессионально. Через минуту его, с заломленными за спину руками, уже тащили на плато. Он не

сопротивлялся. Это было бессмысленно. Его главным оружием сейчас был не автомат и не нож. Его оружием был разум. И он лихорадочно искал выход.

Его швырнули на колени прямо перед Генералом. Тот стоял, широко расставив ноги в высоких ботинках, и смотрел на пленника сверху вниз. В его темных, почти черных глазах читалось не торжество, а какая-то злая, отчаянная надежда. Он узнал Элиаса. Мгновенно.

— Ах, вот ты кто, — произнес он на русском с легким, едва уловимым акцентом. Голос у него был низкий, с хрипотцой, словно звук пересыпаемых камней. — Военный хирург майор Вэнс. Надо же, какая встреча. А мы тебя уже похоронили. Думали, ты вместе со всеми... того.

Он кивнул на дымящиеся развалины блокпоста. Элиас молчал, глядя исподлобья. Он собирал информацию. Сколько боевиков вокруг? Двадцать, тридцать? Вооружены в основном «калашниковыми», но есть и гранатометы, и даже пара РПГ. Охрана вокруг раненого стала еще плотнее. Сам Генерал нервничал. Это было заметно по тому, как он поглаживал рукоять пистолета на поясе, по бегающим глазам, которые поминутно возвращались к носилкам.

— Ты ведь у нас хирург, — продолжил Гериханов, медленно прохаживаясь перед пленником. — Говорят, один из лучших. Золотые руки. Ты ими моих людей в прошлый раз здорово покромсал, когда отбивался.

Элиас вспомнил. Тогда, у Чертова Моста, когда кончи-

лись патроны, он действительно пошел в рукопашную со скальпелем. И уложил троих, прежде чем его оглушили прикладом. Но Генерал этого не видел. Он был занят Леной.

— Сейчас тебе выпадет шанс искупить свою вину, — Гериханов остановился и указал рукой на носилки. — Там мой сын. Он умирает. Ты его спасешь.

Это не было просьбой. Это был приказ. Элиас перевел взгляд на раненого. Теперь, вблизи, он видел, что ситуация еще хуже, чем он предполагал. У парня начинался цианоз — синюшность губ. Дыхание было частым, неглубоким, с выраженной асимметрией грудной клетки. Похоже на открытый, клапанный пневмоторакс. Воздух засасывается в плевральную полость при вдохе и не выходит обратно, сдавливая легкое и смещая сердце. Счет идет на минуты. Нужна срочная декомпрессия.

— С чего ты взял, что я стану это делать? — голос Элиаса прозвучал глухо. Он сам удивился своему спокойствию.

Генерал усмехнулся. Улыбка у него была неприятная, обнажавшая ряд золотых зубов.

— А у тебя есть выбор, доктор? Я предлагаю тебе сделку. Сделаешь операцию, спасешь моего сына — и я дам тебе уйти. Слово офицера.

Элиас горько усмехнулся про себя. «Слово офицера» в устах человека, вырезавшего безоружных, звучало как изощренное издевательство. Но он продолжал слушать. Ему нужна была любая зацепка.

— А если я откажусь?

— Тогда ты умрешь, — спокойно ответил Гериханов. — Но не сразу. Мы ведь умеем ждать. И мы умеем разговаривать с людьми так, что они начинают молить о смерти гораздо раньше, чем она приходит. Ты будешь умирать долго, майор. Очень долго. На твоих глазах мой сын умрет первым, а ты будешь знать, что не смог его спасти. А потом умрешь и ты. Но перед этим ты расскажешь нам все, что знаешь. О частотах, о позывных, о путях снабжения. Ты все расскажешь.

Элиас не сомневался в его словах. Гериханов не блефовал. Умирать за Родину? Сейчас, стоя на коленях перед убийцей своих друзей, он не чувствовал в душе никакого пафоса. Была только пустота и холодная, расчетливая ярость. Он не имел права умереть просто так. Это было бы бессмысленно. Его смерть ничего бы не изменила. А жизнь... Жизнь давала шанс. Шанс на месть.

— Хорошо, — произнес он, четко выговаривая каждый слог. — Я сделаю это. Но мне нужны условия. И инструменты.

Гериханов резко повернулся к нему. В его глазах на мгновение промелькнуло что-то похожее на уважение. Или на предвкушение.

— Условия здесь ставлю я, — отрезал он. — Но инструменты ты получишь. Мои люди собрали все ваши медицинские сумки. Выбирай, что нужно.

Элиаса рывком подняли на ноги и подвели к куче сна-

ряжения, сваленного у скалы. Он быстро осмотрел содержимое. Две сумки были разорваны, препараты и бинты вывалились и были втоптаны в грязь. Третья, к счастью, целела. Это был ранец санинструктора Лены. Он сразу узнал его по выцветшей нашивке с красным крестом и вышитой неумелой рукой букве «Л». К горлу подступил ком. Он заставил себя думать о деле. В ранце нашлось все самое необходимое: ампулы с морфином, кеторолак, атропин, адреналин, стерильные бинты, жгут, кровоостанавливающие зажимы, иглодержатель, немного кетгута и даже портативный аппарат для измерения давления. Не было главного — скальпеля. Все хирургические инструменты пропали, видимо, остались в его личной сумке.

— Нож дайте, — бросил он, не оборачиваясь. — Любой острый.

Один из боевиков протянул ему штык-нож. Элиас покачал головой.

— Не пойдет. Слишком грубый.

Тогда Гериханов сам достал из-за голенища сапога кинжал. Изящное, явно дорогое оружие с вороненым клинком и наборной рукоятью из слоновой кости. Острый как бритва.

— Этот подойдет. Береги его, майор. Это память.

Элиас взял кинжал, взвесил в руке. Баланс был отличный. Он сунул его в свой разгрузочный жилет. Свой скальпель он пока решил не афишировать. Это был козырь, который следовало приберечь на самый крайний случай.

Он подошел к носилкам. Вокруг столпились боевики, заглядывая через плечо. Элиас резко обернулся к Генералу.

— Разгони их. Мне нужен свет и воздух. И кипятилок. Много кипятка и чистая ткань.

Гериханов отрывисто приказал. Толпа нехотя расступилась. Несколько человек бросились разводить костер под навесом скалы. Элиас опустился на колени рядом с умирающим юношей. Тот был в сознании. Его лихорадочно блестящие глаза смотрели на хирурга со смесью страха и надежды. Он пытался что-то сказать, но из горла вырывался только булькающий шепот.

— Молчи, — тихо, по-русски, сказал ему Элиас. — Не трать силы. Я постараюсь помочь.

Он откинул плащ-палатку и осмотрел рану. Так и есть. Осколочное ранение в левую половину груди, в четвертом межреберье. Рана небольшая, но присасывающая воздух — характерный звук был слышен отчетливо. Развивается напряженный пневмоторакс. Сердце смещено, левое легкое коллабировано, то есть поджато воздухом и выключено из дыхания. Еще немного — и остановится сердце. Медлить нельзя ни секунды.

— Мне нужна будет трубка, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Полую. Сойдет корпус от шариковой ручки, трубка от капельницы, что угодно.

Боевики засуетились. Кто-то протянул ему пластиковый корпус от авторучки. Элиас осмотрел его, выбил внутренно-

сти, продул. Сгодится. Он протер руки спиртовой салфеткой, которую нашел в ранце. О стерильности в таких условиях говорить не приходилось. Приоритетом было спасти жизнь здесь и сейчас.

— Держите его, — скомандовал он. — Будет больно.

Двое боевиков навалились на парня, прижав его плечи и ноги к земле. Элиас нащупал точку чуть выше и кнаружи от соска, там, где ребра образуют мягкий промежуток. Обработал кожу йодом. Затем достал из жилета кинжал Гериханова. Он увидел, как напрягся Генерал, стоящий за его спиной. Его люди тоже схватились за оружие.

— Не дергайтесь, — холодно произнес Элиас. — Я просто сделаю прокол.

Одним уверенным, отточенным движением он сделал разрез. Кровь брызнула не сильно. За ней с шипением вырвалась струя воздуха. Парень закричал, выгнувшись дугой. Элиас не обращал внимания. Он расширил разрез пальцем, создавая доступ в плевральную полость, и тут же ввел в рану импровизированную трубку. Эффект наступил немедленно. Дыхание парня стало глубже, цианоз начал отступать, пульс на сонной артерии стал более наполненным.

Элиас закрепил трубку полосками пластыря, наложил герметизирующую повязку. Самое страшное было позади. Пневмоторакс устранен. Но в ране могли оставаться осколки, возможно, было повреждено легкое изнутри, могло быть внутреннее кровотечение. Для всего этого нужна была уже

полноценная операция в стационаре. Здесь, на камнях, он мог только стабилизировать состояние.

— Он будет жить? — голос Гериханова дрогнул. Впервые за все время в нем слышались человеческие нотки. Отец спрашивал о сыне.

— Ближайшие час-два — да, — ответил Элиас, вытирая руки о почти чистый бинт. — Но ему нужна срочная эвакуация в нормальный госпиталь. У него может быть внутреннее кровотечение. Может развиться инфекция. Я сделал, что мог.

Генерал выдохнул. Он подошел к сыну, погладил его по голове, что-то тихо сказал на своем языке. Парень, кажется, потерял сознание, но дышал ровно.

Элиас стоял, глядя на эту сцену. В висках стучала кровь. Он спас сына человека, которого ненавидел больше всего на свете. Он сделал свою работу. И теперь наступало время развязки. Он знал, что обещание Генерала — пустой звук. Его не отпустят. Его будут пытаться, а потом убьют. Значит, нужно было действовать. Прямо сейчас, пока они расслаблены, пока их внимание приковано к спасенному парню.

Он медленно, незаметно сунул руку в нагрудный карман. Пальцы сомкнулись на холодной стали скальпеля. Он осторожно вытащил его, спрятав лезвие в складке рукава. Никто не смотрел на него. Все столпились вокруг носилок. Часовой, что стоял у входа в ущелье, тоже отвел взгляд.

Вот он, момент. Нужно было решаться. Броситься на Ге-

нерала сейчас, когда он беззащитен? Слишком рискованно. Его тут же изрежут. Нужно выиграть время, создать хаос, использовать темноту и рельеф.

И тут в его голове начал складываться план. План, основанный не на грубой силе, а на знании. На медицине. На том, чему его учили всю жизнь. Он — хирург. Его оружие — это не только скальпель. Его оружие — это понимание того, как работает человеческое тело. Где проходят артерии. Какие точки на теле вызывают парализующую боль. Какие препараты в его сумке могут стать ядом, а какие — снотворным.

Он вспомнил содержимое ранца Лены. Ампулы с инсулином. Их здесь быть не должно, инсулин не входит в стандартную боевую укладку. Но Лена была диабетиком. Она всегда носила с собой запас. Инсулин, введенный внутривенно здоровому человеку в большой дозе, вызывает гипогликемическую кому. Смертельную или близкую к ней. Действует быстро и незаметно. Это можно выдать за шок, за последствия ранения. А есть еще морфин. Пять ампул. Если вколоть все сразу — остановка дыхания.

Он посмотрел на Генерала. Тот стоял к нему спиной. Идеальная мишень. Вколоть морфин или инсулин в ягодичную мышцу через одежду — секундное дело. Никто даже не заметит. А потом, когда начнется паника, когда они попытаются понять, что случилось с командиром, у него будет фора. Несколько драгоценных минут.

Но это был слишком простой, слишком быстрый конец

для Гериханова. Элиас хотел, чтобы он мучился. Чтобы он понял, кто его убил. Чтобы он увидел его глаза перед смертью.

Нет. У него будет другая тактика. Он использует свои знания, чтобы манипулировать врагом, сеять страх и паранойю, разобщать их. Он должен стать невидимым убийцей, призраком, который будет уничтожать их по одному.

Первый шаг — выиграть время и остаться наедине с Генералом под благовидным предлогом. И такой предлог у него был.

— Генерал, — окликнул он.

Гериханов обернулся.

— Что еще?

— Твой сын нестабилен. Я сделал дренаж, но ему нужна интенсивная терапия. Я должен постоянно следить за ним. Кроме того, есть риск заражения крови. Мне нужно приготовить антибиотики, сделать инъекции. И... я должен осмотреть и тебя.

— Меня? — Гериханов удивленно поднял бровь. — Зачем?

— Ты ранен, — спокойно сказал Элиас, указав взглядом на его правый рукав, где ткань куртки потемнела и пропиталась кровью. — Я заметил это, еще когда ты шел. Осколок или пуля. Рана, возможно, глубокая. На такой высоте заражение развивается молниеносно. Ты можешь потерять руку. Или умереть от сепсиса через два дня.

Это была правда. Элиас действительно заметил, что Генерал бережет правую руку, хотя и старается не подавать виду. Но сейчас он использовал эту правду как приманку. Гериханов нужен ему. Пока он будет лечить его и его сына, он будет нужен им живым. А значит, у него будет время. Время, чтобы подготовить свой побег.

План был безумен. Но другого не было.

Гериханов колебался. Он сверлил Элиаса своим тяжелым взглядом, пытаясь найти подвох. Но боль и усталость брали свое.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Осмотришь. Но без глупостей, доктор. Одно резкое движение — и ты покойник.

Он кивнул своим людям. Те снова сомкнули кольцо, но уже не такое плотное.

Элиас перевел дух. Первый раунд он выиграл. Он купил себе время. Теперь нужно было использовать его с максимальной выгодой.

Ночь обещала быть долгой.

Он расположился у костра, разложив на чистой тряпке свой скудный арсенал. Ампулы, кинжал, скальпель, бинты. Он смотрел на пляшущие языки пламени, и в их отблесках ему чудилось лицо Лены. «Прости, — мысленно сказал он ей. — Прости, что спасаю их. Но я клянусь тебе: ни один из них не уйдет отсюда живым. Я сделаю это твоим же оружием».

Холодный ветер трепал край плащ-палатки. Где-то вдалеке прогремел гром, хотя небо было чистым. Горы принимали новую жертву, готовясь стать свидетелями кровавой драмы, завязка которой только что свершилась на этом каменном плато, пропитанном кровью и пороховой гарью.

Элиас Вэнс разжал ладонь, сжимавшую скальпель. На коже отпечатался след рукояти. Он провел пальцем по идеально острому лезвию. Сталь была холодной, как смерть, которую она сеяла.

Он поднял глаза на Генерала, который сидел напротив и не сводил с него настороженного взгляда. Элиас растянул губы в подобии улыбки. Улыбка вышла кривой и страшной.

— Давай сюда свою руку, генерал, — сказал он. — Посмотрим, что у тебя там.

Игра началась.

Глава 2. Убить Гиппократа

Костер потрескивал, выбрасывая в черное, усыпанное колючими звездами небо снопы оранжевых искр. Они взлетали, кружились в хаотичном танце и гасли, не долетев до ближайшего скального выступа. Огонь был единственным источником тепла и света на этом каменном плато, ставшем операционной, тюрьмой и полем битвы одновременно. Пламя выхватывало из мрака суровые, напряженные лица боевиков, их оружие, зловеще поблескивающее вороненой сталью, и две центральные фигуры, застывшие друг напротив друга.

Элиас Вэнс сидел на корточках, разложив перед собой на пропитанной кровью плащ-палатке свой скудный медицинский арсенал. Он неторопливо, даже педантично, протирал руки спиртовой салфеткой, хотя кожа давно уже стала ледяной и шершавой от горного холода. Каждое его движение было выверенным, лишенным суеты. Он знал, что за ним наблюдают десятки глаз, и любая нервозность могла быть воспринята как слабость или, того хуже, как подготовка к нападению. Он должен был выглядеть спокойным, как удав, гипнотизирующий кролика. Его кроликом сейчас был человек, сидящий напротив.

Руслан Ахмадович Гериханов, известный как Генерал, смотрел на хирурга в упор. Его темные, глубоко посаженные

глаза не отражали пламени. Они были похожи на два бездонных колодца, наполненных не водой, а застарелой ненавистью и холодным расчетом. Боль в раненой руке, которую он тщательно скрывал, лишь обостряла его подозрительность. Он инстинктивно чувствовал в этом пленном враче угрозу, гораздо более страшную, чем от целого взвода спецназа. Угрозу, которую он не мог до конца понять, но ощущал каждой клеткой своего прожженного в боях тела.

— Давай сюда свою руку, Генерал, — произнес Элиас. Голос его звучал ровно, почти доброжелательно, как у врача на плановом приеме. — Посмотрим, что у тебя там.

Гериханов медлил. Он сверлил Элиаса взглядом, словно пытаясь прочесть его мысли. Этот человек спас его сына. Сделал то, чего Генерал от него требовал. Но именно эта покорность и настораживала. В его понимании, военный хирург, чьих друзей он лично вырезал два года назад, должен был попытаться убить его сразу, как только получил в руки кинжал. А он вместо этого спас Магомеда. Зачем? В это самое «зачем» и упиралась логика Генерала, заставляя его сомневаться.

— Без глупостей, доктор, — предупредил он еще раз, скорее для того, чтобы утвердить свой авторитет в глазах подчиненных. — Ахмед, — он кивнул одному из боевиков, стоявшему с автоматом наизготовку, — если он сделает хоть одно резкое движение — стреляй в колено. Сначала в колено. Понял?

Ахмед, молодой парень с жидкой бородкой и безумными глазами фанатика, радостно оскалился и кивнул.

Элиас никак не отреагировал на эту угрозу. Он ждал. Наконец, Генерал медленно, преодолевая боль, стянул с правого плеча куртку и рукав нательной рубахи. Ткань отходила с влажным, чавкающим звуком, прилипнув к запекшейся крови. Плечо и предплечье были покрыты сложной вязью старых шрамов — следами прошлых ранений. Но свежее ранение находилось чуть выше локтя. Осколок или пуля на излете вспороли кожу и мышцу, оставив после себя рваную, зияющую рану, из которой сочилась темная, венозная кровь. Края раны уже начали воспаляться, что было неудивительно при той антисанитарии, что царила вокруг.

Элиас наклонился ближе, делая вид, что внимательно изучает повреждение. На самом деле, его взгляд скользил по анатомии врага, как по топографической карте. Он оценивал расстояния до жизненно важных точек. Плечевая артерия проходила глубже, ее не достать одним движением. А вот лучевой нерв, расположенный ближе к поверхности, был более легкой мишенью. Если повредить его, рука безвозвратно потеряет чувствительность и подвижность. Он представил, как вводит скальпель не в саму рану, а чуть выше, под видом очистки кармана, и делает аккуратный, непоправимый надрез. Но нет, это слишком быстро, слишком просто, и его тут же убьют. Нужно действовать тоньше.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил Гериханов. Его

била легкая дрожь — то ли от холода, то ли от начинающейся лихорадки.

— Задета мышца, — спокойно ответил Элиас. — Кость цела. Но рана загрязнена. Видны частицы одежды, грязь. Нужно промыть, иссечь нежизнеспособные ткани и наложить дренаж. Иначе через день начнется газовая гангрена, и тогда руку придется отнять по самое плечо. Если ты вообще выживешь.

Он говорил намеренно грубо и цинично, сгущая краски. Ему было нужно, чтобы Генерал осознал свою зависимость от него не только как от спасителя сына, но и как от спасителя собственной жизни. Это создавало хрупкую, но все же гарантию безопасности.

— Делай, что нужно, — процедил Генерал. — Но помни про колено.

Элиас кивнул и приступил к работе. Он делал все медленно, даже слишком медленно для опытного хирурга. Он наслаждался процессом. Вид крови врага, льющейся по его собственным пальцам, вызывал в нем сложную гамму чувств, в которой отвращение причудливо мешалось с животным удовлетворением. Он промыл рану раствором перекиси водорода из ранца Лены. Пена запузырилась, вымывая грязь. Генерал даже не поморщился, хотя процедура была болезненной. Только желваки заиграли на его скулах.

Затем настал самый трудный момент с психологической точки зрения. Элиас снова достал кинжал Гериханова. Тот

самый, которым, по словам Генерала, он перерезал горло Лене. Пальцы Элиаса дрогнули. Он на мгновение представил, как с силой вонзает этот клинок в горло своего палача, прямо в ту же точку. Усилием воли он подавил этот порыв. Рано. Еще рано. Он поднес кинжал к ране, чтобы иссечь омертвевшие края. Лезвие было острым, оно резало плоть, как масло. Кровь побежала сильнее.

— Терпи, Генерал, — с мрачной иронией произнес Элиас. — Твоим же ножом тебя и штопаю. В этом есть какая-то высшая справедливость, не находишь?

Гериханов не ответил. Он смотрел куда-то в темноту, поверх головы хирурга.

Элиас наложил несколько швов, стянув края раны не полностью, оставив место для резинового дренажа, который он соорудил из обрезка перчатки. Сверху наложил тугую, давящую повязку.

— Готово, — сказал он, вытирая руки. — Введу тебе антибиотик и противостолбнячную сыворотку. И тебе, и твоему сыну. Нужно развести костры, согреть воду. И мне нужна еда. Я не ел почти сутки. Если я упаду в обморок от истощения, следующим твоим пациентам помочь будет некому.

Это была наглая, почти самоубийственная ложь. Никакой сыворотки в ранце не было, только антибиотики широкого спектра. Но ему требовался предлог, чтобы получить доступ к кипяченой воде, отдельному костру и остаться на некоторое время без пристального надзора. Генерал, поглощен-

ный болью и тревогой за сына, клюнул на эту удочку. Он отдал приказ, и вокруг закипела работа. Боевики, словно муравьи, засуетились, разводя дополнительные костры, разогревая консервы в жестяных банках, кипятя воду в закопченном котелке.

Элиас же, получив временную передышку, снова склонился над Магомедом. Юноша был все еще без сознания, но его дыхание стало более ровным и глубоким. Дренаж работал. Смертельная опасность миновала. Но Элиас и не собирался его убивать. Пока что. Магомед был его самой надежной страховкой, его живым щитом. Пока сын Генерала находится между жизнью и смертью, его собственная жизнь была в относительной безопасности.

Он ввел парню антибиотик, влил через импровизированную капельницу физраствор, который чудом нашелся в сумке. Затем повернулся к Генералу.

— Теперь ты. Сыворотка и антибиотики.

— Что за сыворотка? — подозрительно спросил Гериханов. — В прошлый раз ты про нее не говорил.

— Противостолбнячная, — не моргнув глазом, соврал Элиас. — Без нее любая, даже самая чистая рана в горах может стать смертельной. Споры столбняка повсюду. Ты же не хочешь умирать в конвульсиях с переломанным позвоночником?

Он поднес к свету костра ампулу с кеторолаком. Сильное обезболивающее. На ампуле была четкая надпись на рус-

ском, но в суматохе и полумраке никто не стал бы ее читать. Элиас набрал жидкость в шприц.

— Это сыворотка? — Генерал с сомнением посмотрел на шприц.

— Это комплексный препарат, — жестко ответил Элиас. — Ты просил меня спасти твоего сына. Я сделал. Теперь ты просишь спасти твою руку. Не мешай мне работать.

Он ввел иглу в вену Гериханова. Медленно, миллиметр за миллиметром, надавил на поршень. Кеторолак, помимо обезболивающего, обладает еще и выраженным противовоспалительным действием, но главное — он немного снижает свертываемость крови. Это было не смертельно, но создавало определенные риски при любом новом ранении. Маленькая, почти незаметная диверсия. Первый камень в фундамент его будущего побега.

Затем он набрал в шприц антибиотик и ввел его внутримышечно. На этот раз все было честно. Ему не нужна была смерть Генерала от сепсиса. Он хотел, чтобы его враг был сильным и здоровым в тот момент, когда придет час расплаты. Он хотел видеть его глаза.

Процедуры были закончены. Элиас отошел к своему месту у костра. Ему принесли миску с разогретой тушенкой и кусок черствого лаваша. Он ел медленно, тщательно пережевывая, хотя голод сводил желудок судорогой. Он знал, что после долгого голодания нельзя набрасываться на еду. Кроме того, процесс поглощения пищи давал ему возможность

наблюдать и анализировать.

Лагерь мятежников постепенно погружался в ночной режим. Утихли громкие разговоры. Боевики разбились на небольшие группы у костров, выставили часовых по периметру плато. Судя по количеству людей, отряд насчитывал около двадцати пяти человек, не считая самого Генерала и его сына. Это были закаленные бойцы, привыкшие к суровым условиям горной войны. У каждого было оружие, разгрузка, запас патронов. Взять их штурмом в одиночку было чистым безумием. Значит, нужно было действовать хитростью, заставить их сомневаться, сеять панику, уничтожать по одному, используя темноту и рельеф.

Его медицинские знания были его главным, но не единственным оружием. Он понимал физиологию страха. Он знал, что человек, лишенный сна, теряет концентрацию. Что человек, мучимый жаждой, становится раздражительным и допускает ошибки. Что внезапный, необъяснимый шум в темноте пугает сильнее, чем прямая атака.

План начал вырисовываться в его голове, словно чертеж сложной хирургической операции. Первый этап — усыпить бдительность. Стать полезным, почти незаменимым. Для этого нужно было не просто лечить Генерала и его сына, но и оказывать помощь другим боевикам. У многих из них, после недавнего боя, были мелкие ранения: порезы, ушибы, ссадины. Обработывая их, он сможет изучить расположение постов, запомнить лица и иерархию, а главное — получить

доступ к их запасам.

Второй этап — создать ресурс для побега. Ему нужна была свобода передвижения хотя бы в пределах лагеря, доступ к чистой воде и пище, которые можно взять с собой, и, главное, оружие. Скальпель и кинжал — это хорошо, но против автомата на дистанции они бесполезны. Нужно было найти способ завладеть огнестрелом.

Третий этап — само действие. Резкое, непредсказуемое, жестокое. Используя хаос, он должен будет ликвидировать ключевые фигуры или, по крайней мере, дезорганизовать отряд настолько, чтобы суметь выскользнуть из кольца оцепления. А перед этим... перед этим он должен остаться с Генералом наедине.

Но все это было делом будущего. Сейчас же его задача была проще и сложнее одновременно: выжить эту ночь.

Ночь в горах — это не просто отсутствие света. Это наступление иного мира, враждебного и всесильного. Температура упала почти до нуля. Ветер, днем лишь приятно освежавший разгоряченное лицо, теперь превратился в ледяного зверя, который завывал в расщелинах скал, пробирал до костей, унося с собой остатки тепла. От камней тянуло могильным холодом. Элиас, в своей легкой, порванной в бою форме, начал дрожать. Он подбросил в костер несколько веток колючего кустарника, собранного боевиками на склонах, но этого было недостаточно.

Он посмотрел туда, где на импровизированной лежанке

из плащ-палаток и сухой травы лежал Магомед. Рядом с ним, закутавшись в бурку, сидел Генерал. Он не спал. Он смотрел на сына, и в его взгляде, лишенном обычной жестокости, читалась глубокая, почти животная мука. Элиас на мгновение ощутил укол чего-то, отдаленно похожего на сочувствие. Отец беспокоится за сына. Это было так понятно, так по-человечески. Но он тут же задавил это чувство. Перед ним был не просто отец, а убийца, палач, чудовище в человеческом обличье. Его сын, возможно, и не виноват в грехах отца, но он выбрал тот же путь. Он здесь, с оружием в руках, среди тех, кто напал на блокпост. Он — враг. И точка.

Элиас перевел взгляд на свои руки. Они все еще дрожали от холода. Он сжал и разжал пальцы, чтобы восстановить кровообращение. Тонкая моторика была его капиталом. Без твердой руки он не сможет ни оперировать, ни убивать. Он решил использовать свои знания о терморегуляции. Он вспомнил, как на лекциях по выживанию им рассказывали о том, что наибольшие теплопотери происходят через голову, шею и паховую область. Нужно было утеплить эти зоны. Он поднял с земли кусок относительно чистой ткани, оставшийся после перевязки, и соорудил себе некое подобие подшлемника и шарфа. Выглядело это нелепо, но сразу стало теплее. Затем он начал медленно, ритмично сокращать крупные мышцы, разгоняя кровь. Икры, бедра, ягодицы, плечи. Внешне он оставался почти неподвижным, но внутри его тела кипела работа.

Один из часовых, проходя мимо, подозрительно посмотрел на него. Элиас поймал его взгляд.

— Что? — спросил боевик.

— У тебя шнурок развязан, — спокойно ответил Элиас. — Наступишь в темноте, упадешь, сломаешь нос. Будешь похож на свинью.

Боевик выругался, но опустил глаза и действительно поправил шнурок. Элиас усмехнулся про себя. Первый акт психологического давления. Безобидное замечание, но оно заставило врага подчиниться.

Время тянулось невыносимо медленно. Тишину нарушали только шаги часовых, их гортанная переключка да далекий гул горной реки, доносившийся откуда-то со дна ущелья, словно дыхание спящего великана. Элиас не спал. Он ждал. Он знал, что самое темное время — перед рассветом. Именно в этот период, между тремя и пятью часами утра, человеческий организм наиболее уязвим, бдительность притупляется, реакции замедляются. Это было его операционное время.

Он снова перевел взгляд на Генерала. Тот, кажется, задремал, сидя у изголовья сына. Его голова упала на грудь. Боевик по имени Ахмед, которому было поручено сторожить пленника, сидел на камне в нескольких метрах от Элиаса и клевал носом, периодически роняя автомат и тут же испуганно скидывая его. Идеальный момент.

Элиас действовал бесшумно. Он медленно, так, чтобы не

хрустнул ни один сустав, поднялся на ноги. Ахмед не пошевелился. Элиас скользнул в тень, отбрасываемую большим валуном. Его целью была куча снаряжения, сваленная у скалы. Там, среди прочего хлама, он заметил флягу с водой и, что более важно, армейский сухой паек. Ему нужны были спички. Или зажигалка. Он не собирался разводить огонь сейчас. Огонь был оружием, которое он планировал применить позже, в критический момент. Но зажигалку нужно было добыть заранее.

Он скользил от тени к тени, используя каждое укрытие, каждый выступ скалы. Его шаги были мягкими, пружинистыми, как у хищника. Сказывались годы тренировок и боевой опыт. Он подобрался к куче снаряжения. Часовой, стоявший на западном краю плато, смотрел в другую сторону, в бинокль ночного видения, который тихо жужжал. Элиас начал осторожно перебирать вещи. Старые подсумки, пустые магазины, чей-то разбитый телефон. Пальцы нащупали холодный металл. Фляга. Он отвинтил крышку, принялся. Вода. Он сделал несколько жадных глотков. Живительная влага потекла по пересохшему горлу. Он заставил себя остановиться, чтобы не выпить все сразу. Спрятал флягу за пазуху.

Затем его пальцы наткнулись на маленький, шершавый на ощупь предмет. Коробок спичек. Он осторожно, чтобы не шуметь, потряс его у уха. Почти полный. Отлично. Он сунул его в карман. Рядом лежал охотничий нож в простых кожа-

ных ножнах. Не бог весть что, но гораздо удобнее тяжелого кинжала Генерала. Элиас прихватил и его, закрепив ножны на поясе, прикрыв полой разгрузки.

Внезапно ветер донес до него запах табачного дыма. Со всем рядом. За соседним камнем кто-то курил. Элиас замер, превратившись в статую. Раздались шаги. Двое боевиков вышли из-за скалы, направляясь к костру. Они о чем-то негромко переговаривались. Элиас присел за кучей снаряжения, молясь, чтобы его не заметили. Тени плясали, скрадывая его силуэт. Боевики прошли в нескольких метрах, даже не взглянув в его сторону. Их мысли были заняты другим — они обсуждали, сколько еще им здесь торчать и когда придет смена.

Когда их шаги затихли, Элиас перевел дух. Он понял, что его везение не может быть бесконечным. Нужно было возвращаться на свое место. Он проделал обратный путь так же осторожно, как и пришел. Ахмед по-прежнему дремал. Все было тихо.

Элиас сел, прислонившись спиной к камню, и закрыл глаза, но лишь для того, чтобы лучше слышать. Он анализировал полученную информацию. Значит, у них есть прибор ночного видения. Это усложняло задачу. Значит, темнота не была его абсолютным союзником. Нужно было учитывать эту переменную. Возможно, стоит начать действовать не ночью, а на рассвете, когда снимают ПНВ, а глаза еще не привыкли к свету? Или, наоборот, в сумерках? Нужно будет по-

наблюдать за сменой часовых.

Внезапно его внимание привлекло какое-то движение у лазарета. Генерал проснулся. Он склонился над сыном, что-то тихо ему говорил. Магомед застонал, заметался в бреду. Его состояние, видимо, ухудшилось. Гериханов резко повернулся и посмотрел на Элиаса. Даже в полумраке было видно, как исказилось его лицо тревогой.

— Эй, доктор! — его голос прозвучал как удар хлыста. — Иди сюда! Ему хуже!

Элиас неторопливо, с достоинством поднялся и подошел к носилкам. Он демонстративно не спешил. Чем больше паникует Генерал, тем ценнее становится его, Элиаса, спокойствие.

Он наклонился над раненым. Магомед действительно выглядел плохо. Его лицо приобрело сероватый оттенок, дыхание снова стало поверхностным и частым, пульс нитевидный. Элиас быстро осмотрел дренажную трубку. Она была на месте, но, кажется, в ней образовался сгусток крови, мешающий оттоку воздуха и жидкости. Развивался рецидив пневмоторакса.

— Трубка забилась, — констатировал он. — Нужно поставить новую и делать пункцию. Ему не хватает воздуха.

— Так делай! — рявкнул Гериханов. — Чего ты ждешь?

— Мне нужна тишина и свет, — повторил Элиас свою утреннюю просьбу. — И еще кое-что. Адреналин. У меня была ампула в сумке, поищите.

Пока боевики снова зажигали факелы и светили ему телефонами, Элиас достал из ранца последнюю пригодную трубку. Адреналин он просил не для Магомед. Адреналин нужен был ему самому. В сердце. На случай крайней необходимости. Но Генералу об этом знать не обязательно.

Он снова проделал ту же манипуляцию, что и несколько часов назад. Снова хлынула кровь, снова раздался крик боли. Но на этот раз эффект был слабее. Легкое расправлялось неохотно. Элиас понимал, что без полноценного вакуумного дренажа и реанимационного оборудования парень, скорее всего, не выживет. Его часы сочтены. Возможно, сутки, может, двое. Это знание накрыло его волной ледяного спокойствия. Он не желал смерти этому юноше, но и спасти его уже не мог. Природа брала свое. И его смерть должна была стать частью плана.

Он закончил процедуру. Магомед снова затих.

— Почему ему не лучше? — тихо, с угрозой в голосе спросил Гериханов, когда они отошли в сторону.

— Потому что у него тяжелейшее ранение, а мы находимся в каменном веке, — резко ответил Элиас. — Я предупреждал тебя, Генерал. Ему нужен госпиталь. Нужен хирург с инструментами, ассистентами, реанимацией. Я не бог. Я могу лишь отсрочить неизбежное.

Гериханов схватил его за грудки разгрузки здоровой левой рукой. Его лицо оказалось вплотную к лицу Элиаса. Из рта у него пахло табаком и металлом.

— Ты отсрочишь неизбежное до тех пор, пока я не скажу, что хватит! — прошипел он, брызгая слюной. — Ты понял меня? Ты будешь держать его живым, пока я не прикажу тебе остановиться. Если он умрет, ты умрешь. Я лично сниму с тебя кожу, кусок за куском, и буду смотреть, как ты корчишься.

Элиас не отвел взгляда. Он смотрел в эти черные, наполненные болью и яростью глаза и чувствовал, как внутри него самого закипает ответная, темная волна.

— Убери руки, — произнес он ледяным тоном. — Или следующим твоим движением будет ампутация. Я тебе это гарантирую. Без наркоза.

Несколько секунд они сверлили друг друга взглядами. Это была дуэль нервов. Наконец, Гериханов разжал пальцы и оттолкнул его. Он понял, что перегнул палку. Этот доктор был ему нужен.

— Делай свое дело, — буркнул он и отошел.

Элиас поправил разгрузку. Сердце колотилось как бешеное. Он снова подошел к костру. На этот раз его трясло не от холода. Адреналин бурлил в крови, требуя выхода. Он должен был действовать. Немедленно. Или он взорвется.

Он огляделся. Его взгляд упал на Ахмеда, который, разинув рот, наблюдал за стычкой. Парень явно был впечатлен дерзостью пленного. Элиас подозвал его кивком головы.

— Что? — настороженно спросил Ахмед, подходя ближе.

— У тебя вон там, на шее, чирей, — Элиас указал паль-

цем на небольшой воспаленный бугорок над воротником. — Видишь? Красный. Это плохо. В горах любая инфекция развивается быстро. Может пойти заражение крови, умрешь за сутки.

Ахмед инстинктивно схватился за шею. Глаза его округлились от страха. Он был молод и суеверен.

— Что делать? — спросил он, забыв о своем статусе охранника.

— Я могу его вскрыть, — спокойно предложил Элиас. — Делов на две секунды. Будет больно, но зато безопасно. Или можешь ждать, пока у тебя начнется лихорадка и галлюцинации.

Он блефовал. Чирей был пустяковым, но страх — великим рычагом. Ахмед, поколебавшись, кивнул. Элиас достал скальпель. Тот самый, из своего тайного кармана. Он нарочно сделал это на виду, но так быстро и буднично, что никто не обратил внимания. Он обработал лезвие огнем зажигалки, которую только что украл, и одним точным движением вскрыл гнойник. Ахмед взвизгнул, но стерпел. Элиас обработал ранку йодом.

— Все, — сказал он. — Свободен. Завтра будешь как новенький.

Ахмед смотрел на него почти с благоговением. В его глазах читалось суеверное уважение к человеку, который не боится ни Генерала, ни стали, ни крови. Это была маленькая, но важная победа. Элиас только что завербовал своего пер-

вого, пусть и бессознательного, союзника внутри вражеского лагеря. Он не знал, как именно использует этого парня, но чувствовал, что такие связи — ключ к успеху.

Он спрятал скальпель и устало прикрыл глаза. Ночь только начиналась, а он уже провел две экстренные операции, психологическую дуэль с Генералом, вылазку за ресурсами и мини-спектакль для Ахмеда. Усталость наваливалась свинцовой плитой. Но останавливаться было нельзя. Впереди его ждал самый важный этап — анализ и планирование.

Он достал украденный охотничий нож и начал машинально водить острием по плоскому камню, выцарапывая схему. Это помогало ему думать. Он набросал примерный план лагеря: точки часовых, костры, местонахождение Генерала и его сына, склад снаряжения, тропа в ущелье. Он обозначил сектора обстрела, мертвые зоны, где можно укрыться. Он вспомнил все, что знал о тактике горных боев: использование эха, камнепадов, дезориентации противника.

Его план становился все более дерзким. Он решил не ждать несколько дней. Время работало против него. Состояние Магомеда ухудшится, и Генерал, поняв, что сына не спасти, может сорвать свою злобу на пленнике. Действовать нужно было следующей ночью.

Первый шаг: создать хаос. Использовать спички и немного горючего, чтобы устроить пожар в южной части лагеря, где складировали боеприпасы. Это отвлечет внимание.

Второй шаг: в суматохе добраться до Генерала. Он знал,

где тот спит. Кинжал или скальпель — один точный удар. Или, что еще лучше, использовать ампулу с морфином. Вколоть ему лошадиную дозу, имитировав передозировку. Это посеет панику и замешательство.

Третий шаг: используя неразбериху и знание местности, уйти в расщелину, которую он заметил еще до боя. Там был спуск, опасный, но проходимый.

В этом плане была масса слабых мест. Слишком много переменных, слишком много надежды на удачу. Но война — это искусство управления хаосом, а хирургия — это точный расчет в условиях ограниченного времени. Он должен был совместить эти два подхода.

Элиас отбросил камень и спрятал нож. Он чувствовал, как тяжелеют веки. Организм требовал отдыха. Он позволил себе провалиться в поверхностный, чуткий сон, готовый в любой момент проснуться от малейшего шума. Во сне ему снова привиделась Лена. Она стояла на мосту, у Чертова Моста, и махала ему рукой. Только вместо лица у нее была кровавая маска, а вместо голоса — гортанный смех Генерала.

Он проснулся от холода, пронизывающего до костей. Занимался серый, тусклый рассвет. Горы, еще минуту назад казавшиеся черными монолитами, начали проявлять свои очертания, покрытые прожилками снега и ржавыми пятнами осыпей. Лагерь медленно просыпался. Люди Гериханова, закутанные в бурки и плащ-палатки, ходили на призраков, бродящих в молочном тумане, который заполнил плато. Где-

то звякнул котелок, потянуло дымом сырых дров.

Элиас сел, разминая затекшие мышцы. Все тело болело, словно его избили палками. Бок, ушибленный при падении, ныл тупой, непрекращающейся болью. Он потрогал ребра. Перелома, кажется, не было, но трещина или сильный ушиб обеспечены. Каждый вдох давался с трудом. Но он запретил себе обращать на это внимание. Боль — это всего лишь сигнал. Ее можно игнорировать.

Он поискал глазами Ахмеда. Тот сидел на том же месте, но уже не спал, а чистил автомат, бросая на Элиаса любопытные взгляды. Рядом с ним стоял котелок с кипятком. Элиас кивнул ему.

— Можно? — спросил он, указывая на котелок.

Ахмед кивнул в ответ. Элиас налил себе горячей воды в жестяную кружку, которая валялась рядом. Он подул на воду и сделал глоток. Горячая жидкость обожгла горло, но разлилась теплом по всему телу. Жить стало немного легче.

К нему подошел один из командиров, угрюмый бородач с автоматом Калашникова и гранатометом за спиной. Он что-то сказал на своем языке, Ахмед перевел:

— Руслан говорит, что скоро придет человек. Большой человек. Он захочет с тобой говорить. Будь вежлив.

— Что за большой человек? — спросил Элиас, не показывая своего удивления.

— Узнаешь, — буркнул Ахмед и отвернулся.

Это была новая вводная. В лагере ждали кого-то важного.

Возможно, связного из-за границы, возможно, другого полевого командира, с которым Генерал координировал свои действия. Это меняло дело. Наличие еще одного высокопоставленного лица могло как усложнить, так и упростить его план. В любом случае, это был дополнительный фактор, который следовало учесть.

Элиас допил воду и снова подошел к Магомеду. Юноша был без сознания, но дышал. Дренаж работал. Он поправил капельницу и сделал вид, что осматривает рану. На самом деле он использовал это время, чтобы еще раз внимательно изучить расположение постов, вооружение боевиков, их моральное состояние. Они выглядели уставшими и замерзшими. Некоторые открыто зевали, не скрывая своей апатии. Ночная тревога из-за Магомеда вымотала всех. Это было ему на руку.

Он вернулся на свое место и стал ждать визитера. Ждать пришлось недолго. Через час, когда туман начал рассеиваться, а солнце позолотило вершины гор, со стороны тропы слышался шум. В лагерь вошла группа людей. Они двигались тяжело, явно проделав долгий путь. Впереди шел человек, появление которого заставило даже Генерала подняться и выйти навстречу.

Это был высокий, сухощавый старик с длинной седой бородой, в очках в тонкой металлической оправе. Одет он был не в камуфляж, а в обычную городскую одежду: темные брюки, свитер, поверх которого был накинут легкий пуховик. В

руках он держал саквояж. Саквояж врача. Элиас понял — они нашли своего хирурга. Доставили его сюда.

Значит, его собственная ценность резко упала. Как только этот старик осмотрит Магомеда и Генерала, он, Элиас, станет не нужен. Его смертный приговор, отложенный на сутки, вступит в силу немедленно. План побега следующей ночью летел ко всем чертям. Действовать нужно было сейчас. В ближайшие часы.

Элиас напрягся, как сжатая пружина. Он смотрел на приближающегося старика и лихорадочно просчитывал варианты. На его лице не дрогнул ни один мускул, но пальцы под разгрузкой сомкнулись на рукояти скальпеля. Он был готов. Большая игра вступала в свою решающую фазу, и ставкой в ней была его жизнь.

Глава 3. Цена одного вдоха

Появление незнакомца всегда меняет правила игры. Это аксиома, которую Элиас Вэнс усвоил задолго до того, как впервые взял в руки скальпель. На поле боя новый игрок может быть кем угодно: подкреплением, наблюдателем, палачом или спасителем. Но в мире, где правят насилие и паранойя, любая неизвестная переменная — это прежде всего угроза. И человек, ступивший на каменистое плато под первыми лучами рассветного солнца, был угрозой в самом ее концентрированном виде.

Старик двигался медленно, но в его походке не было старческой немощи. Это была экономия движений, свойственная людям, привыкшим расходовать энергию разумно, как воду в пустыне. Его взгляд, острый и цепкий, сканировал лагерь поверх тонких очков с методичностью диагноста, собирающего анамнез. Он видел все: разбросанное снаряжение, грязные бинты, усталые лица боевиков, дым костров и, наконец, две фигуры, представлявшие для него главный интерес, — раненого юношу под навесом и пленного хирурга, сидящего у потухшего костра.

Гериханов шагнул ему навстречу. Элиас ожидал увидеть демонстрацию власти, обычный для Генерала ритуал доминирования. Но вместо этого произошло нечто иное. Генерал, не кланяясь, склонил голову ровно настолько, чтобы обозна-

чить уважение, но не показать подчинения. Он заговорил первым, и в его голосе, всегда звучавшем как приказ, прорезались просительные нотки.

— Аскер Алиевич, вы пришли. Слава Всевышнему. Я уже начал думать, что вы не успеете.

Старик, которого называли Аскером Алиевичем, не удостоил его ответным приветствием. Он остановился в двух шагах от Генерала и поставил свой саквояж на землю. Саквояж был старый, кожаный, с потертыми боками и металлическими застежками, выдавшими лучшие времена. Такой инструмент не мог принадлежать дилетанту. Слишком много характерных следов износа, слишком бережное, профессиональное обращение.

— Где он? — спросил старик. Голос у него был глухой, лишенный эмоций, как у человека, который давно уже ничему не удивляется.

Генерал указал на навес. Аскер Алиевич, не проронив больше ни слова, направился к носилкам. Проходя мимо Элиаса, он на мгновение задержал на нем взгляд. Их глаза встретились. В этом коротком, почти неуловимом контакте произошел молчаливый обмен информацией, доступный лишь посвященным. Они узнали друг друга. Не по именам, не по званиям, а по незримой печати профессии. По тому, как они смотрели на мир — анатомически, оценивающе, бесстрастно.

Элиас почувствовал, как внутри у него все холодеет. Это

был не просто врач. Это был Хирург. С большой буквы. Человек, который, как и он сам, привык принимать решения на грани жизни и смерти. Его присутствие меняло все. Если этот старик подтвердит, что состояние Магомеда не критично, или, наоборот, признает его безнадежным быстрее, чем планировал Элиас, жизнь пленного хирурга повиснет на волоске. А если он, осмотрев Генерала, заявит, что рана того не требует дальнейшего лечения, Элиас и вовсе превратится в обузу. В балласт, от которого избавляются без колебаний.

Аскер Алиевич склонился над Магомедом. Он не стал спрашивать, что было сделано. Он просто начал осмотр. Его движения были точны и скупы. Он проверил пульс на сонной артерии, оттянул веко, оценив реакцию зрачка на свет, прослушал дыхание, склонившись ухом к груди раненого так низко, что едва не касался ее. Затем он внимательно, сантиметр за сантиметром, осмотрел дренажную трубку и повязку. В его действиях не было ни суеты, ни театральности. Только холодный, отточенный десятилетиями профессионализм.

Наконец он выпрямился и повернулся к Генералу.

— Плевральный дренаж по Бюлау, — произнес он, и в его голосе впервые прорезалось что-то, отдаленно похожее на интерес. — Выполнен подручными средствами, грубо, но анатомически верно. Антибиотикотерапия начата. Инфузионная поддержка есть. Кто делал?

Гериханов кивком указал на Элиаса.

— Вот он. Военный хирург. Мой пленный.

Старик снова посмотрел на Элиаса. На этот раз его взгляд был более долгим и изучающим. Он словно переоценивал увиденное.

— Твоя работа? — спросил он напрямую.

— Моя, — коротко ответил Элиас. Он не видел смысла отпираться.

— Где учился?

— Военно-медицинская академия. Затем интернатура по общей хирургии, специализация по военно-полевой. Практика — Афганистан, Сирия, десяток локальных конфликтов.

Аскер Алиевич едва заметно кивнул, принимая информацию.

— Дренаж мог бы быть изящнее. Но выбор точки прокола грамотный. Ты спас парня. По крайней мере, пока.

Элиас не ответил. Похвала от врага была подобна пощечине. Но еще хуже было то, что старик своей оценкой невольно продлил ему жизнь. Парадоксально, но сейчас именно его, Элиаса, профессионализм служил гарантией его же безопасности. Если бы он сделал работу плохо, Генерал, возможно, уже приказал бы его расстрелять. Но теперь, видя, что пленный хирург действительно знает свое дело, Гериханов будет держать его как запасной вариант.

— Что скажете, Аскер Алиевич? — нетерпеливо спросил Генерал. — Он выживет?

Старик снял очки и начал протирать их краем свитера.

Этот жест был полон такого спокойствия, что нервы присутствующих натянулись до предела.

— Состояние тяжелое, но стабильное, — произнес он наконец. — Пневмоторакс купирован. Однако остается риск эмпиемы плевры, посттравматической пневмонии, не исключено инородное тело в легочной ткани — осколок. Нужна ревизия раны. И нужен рентген. Все это здесь, — он обвел рукой скалы, — невозможно. Его нужно вывозить. И чем скорее, тем лучше.

Гериханов выругался сквозь зубы. Это был приговор, которого он боялся.

— Вывезти его сейчас нельзя, — отрезал он. — Вертолеты противника кружат над ущельями. На тропах — засады. Нам нужно прорываться с боем, а он не транспортабелен. Вы можете сделать операцию здесь?

Аскер Алиевич надел очки и строго посмотрел на Генерала.

— Я могу попытаться. Но мне нужны условия. Инструменты у меня есть. Но мне нужен ассистент.

Элиас понял это за мгновение до того, как старик произнес следующую фразу. Сердце пропустило удар.

— Ты, — Аскер Алиевич указал на него сухим, узловатым пальцем. — Ты будешь ассистировать.

Это был не вопрос. Это был не приказ. Это была констатация факта. Два хирурга на один операционный стол. Палач и жертва, вынужденные работать вместе. Элиас почув-

ствовал, как земля уходит из-под ног. Ему предлагали стать соучастником спасения сына своего врага. Но отказаться он не мог. Отказ означал немедленную смерть. Согласие давало отсрочку. И новые возможности.

— Хорошо, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но у меня есть условия.

Гериханов хотел было взорваться, но старик остановил его жестом.

— Говори, — сказал Аскер Алиевич.

— Полная стерильность, насколько это возможно в данных условиях. Чистая вода, кипяченный инструмент, обработка операционного поля. И я работаю только со своим скальпелем.

Элиас извлек из потайного кармана свое главное сокровище. Скальпель с рукоятью из нержавеющей стали и лезвием из дамасской стали. Аскер Алиевич посмотрел на инструмент, и в его глазах впервые мелькнуло нечто похожее на уважение. Он оценил качество стали, баланс, профессиональный выбор.

— Хороший инструмент, — произнес он. — Согласен. Но запомни, коллега, — он выделил это слово с особой, зловещей интонацией, — я буду следить за каждым твоим движением. Одно лишнее — и ты умрешь раньше, чем твой скальпель коснется пола.

Начались приготовления. Боевики, подгоняемые Генералом, засуетились, как потревоженные муравьи. Из саквояжа

Аскера Алиевича были извлечены настоящие хирургические инструменты, упакованные в стерильные пакеты. Зажимы, иглодержатели, пинцеты, скальпели, ампулы с препаратами. Элиас смотрел на это богатство с жадностью умирающего от жажды, увидевшего колодезь. У него самого не было и десятой доли этого арсенала. Но сейчас это было не просто медицинское оборудование. Это был арсенал возможного оружия. Каждый зажим, каждый пинцет, каждый шприц, наполненный лекарством, был потенциальным инструментом для побега или убийства.

Операционным столом служили те же импровизированные носилки, наспех застеленные относительно чистым брезентом. Воду кипятили в котелках, раздувая пламя костров до неистовства. Воздух наполнился запахом дыма и спирта. Раненого Магомеда перенесли ближе к свету, под навес скалы, где тени были не такими густыми. Аскер Алиевич, облачившись в старенький, но чистый хирургический халат, извлеченный из саквояжа, распоряжался, как дирижер перед выступлением оркестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.